

The background of the entire page is a dramatic, dark teal-toned image. It depicts a turbulent sea with large, swirling waves. In the lower portion of the image, a small, crowded boat is seen struggling against the waves. The overall mood is one of struggle and perseverance.

Вадим Векслер

4 шага на пути к завершенности

Вадим Векслер

4 шага на пути к завершённости

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Векслер В.

4 шага на пути к завершенности / В. Векслер — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Чтобы жизнь человека состоялась, стала настоящей судьбой, а не очередной безликой биографией, он обязан совершить несколько решительных поступков, выбрасывающих из зоны комфорта и ломающих привычную событийную канву. Причем, люди и жизни могут быть разные, но судьба всегда одна.

Шаг первый: отречение.

Черная лента

3

Марк повзрослел рано. Ему не было и четырех, как он лишился матери. Осиротеть наполовину в таком нежном возрасте – значит без прикрас увидеть и понять мир на уровне, почти исключаящем детскую наивность.

От матери остались только данное имя евангелиста (она со всей врожденной деревенской простотой отличалась набожностью и видела сына будущим священником или, на худой конец, подвижником) и длинная черная лента. У Марка же сохранилось лишь одно воспоминание: как он упал, зацепившись за камень, и разбил в кровь коленку, а испуганная мать с болезненно-бледным лицом выдернула черную ленту из волос и туго перебинтовала ссадину. Следующей памятной сценой уже стали дождливые похороны, а та мягкая, ласковая лента превратилась в наплечную траурную повязку.

Отец Марка, угрюмый двухметровый титан с перебитым носом, горевал недолго и с головой ушел в работу. Он держал кабак в подвале покосившегося дома на одной из злчных улиц нищего портового городка. Убогая обстановка заведения лишь усугубляла желание поскорее сбежать от реальности. Посетители видели сквозь темно-синие клубы едкого табачного дыма только облупившуюся желтую краску на стенах и пыльные ботинки прохожих за узкими окнами под потолком. Из завсегдатаев – работники верфи и фабричные. Они часто дрались друг с другом стенка на стенку или, объединившись, поколачивали пришлых моряков за фривольную наглость и отглаженную выходную форму, на которую так падки подвыпившие дамы. В такие минуты отец обычно лишь сурово молчал, невозмутимо взирая из-за барной стойки за происходящим, вмешиваясь и разнимая, только когда потасовка грозила перейти в поножовщину. Слушались его беспрекословно и понуро расходились по домам. Отец сам оставался мыть загаженный пол и возился, зачастую, до утра. Работал он без выходных и праздников. Из дня в день, год за годом. Ни с кем не общался, кроме посетителей. Нигде не бывал, кроме рынка, когда приходила пора запастись выпивкой и нехитрой снедью на закуску. Таким его и запомнили: подпирающим лысой головой низкий потолок, с непроницаемым лицом считающим выручку и разливающим по мутным бокалам бледно-желтое кислотоватое пиво и терпкий пурпурный портвейн. Он никогда не видел море.

Казалось бы, такая странная деталь биографии почти невероятна для жителя порта. И если б нашелся смельчак, что осмелился пристать с расспросами к такому не особо приветливому молчуну, какое правдоподобное объяснение мог бы он услышать в ответ? Морская болезнь? Но ее надо осознать и пережить на борту, уже попав во власть стихии. Вызывающий отвращение запах гниющих водорослей? Какие-то древние мистические страхи? Быть может, забытая или загнанная в подсознание детская психическая травма? Кто знает? Да и вряд ли можно вообразить такое оправдание, что полностью удовлетворит и охладит подобное любопытство.

6

Марку шесть лет. Он давно уже не спрашивает, где мама. У отца нет лишних денег на сиделку, и сын целыми днями торчит в баре: бегают босиком от стола к столу и вслушивается в нехитрые пьяные разговоры. Бойко выспрашивает раздобревших матросов, что такое море. Те говорят о безбрежности и штиле; о штормах и девятом вале. Марк пугается и жметя к отцу. Уже за полночь, отправляя сына спать, тот успокаивает: «Не верь ты этим рассказням. Кому оно нужно, это море? Вот вырастешь, будешь отцу помогать, потом к тебе всё перейдет,

богатым станешь». Ночью Марку снится море. Липкий кошмар: у моря много щупалец и раскрытая пасть.

Утром Марк, наскоро накинув длинную поношенную рубаху и крепко подпоясавшись черной лентой как кушаком, тайком выбирается наружу. Не зная точной дороги, он интуитивно выбирает верное направление – вниз по узенькой, почти безлюдной в ранний час улице. Все дороги вниз рано или поздно приводят к морю. Марк впервые уходит так далеко от дома один. Страшные, опасные вещи одновременно и неодолимо манят и безжалостно отталкивают. Мальчик спускается по извилистой улице в направлении порта на негнущихся ногах. Чем интенсивнее пугающие соленые запахи, непривычные резкие звуки, тем сильнее кружится голова и сбивается дыхание. И вот, лишь пару минут спустя, не в силах сделать шаг, Марк замирает, совсем не может пошевелиться несколько секунд, а потом просто садится, почти валится на прохладный камень мостовой и тихонько, про себя, рыдает.

12

Марку двенадцать. Легкая болезненная бледность не компенсирует акселерацию в физическом развитии: выглядит старше своих лет. Он уже давно пристроен отцом в качестве бесплатной услуги: протирает пол шваброй и даже принимает заказы. Прячет чаевые: копит на модные остроносые ботинки. Расстриженный священник из завсегдатаев под настроение учит Марка грамоте. На школу нет времени – отец подбрасывает всё новую работу. Всех развлечений: глазеть на драки да слушать пьяный треп незнакомых людей. Завсегдатаи уже давно успели рассказать всю свою подноготную, и даже больше: о некоторых вещах, извлекаемых на свет божий только по пьяной лавочке, лучше вообще не знать: и сон крепче, и представление о людской природе не настолько циничное. Именно поэтому новые лица привлекают гораздо больше внимания, и Марк вслушивается в разговор двух аймара в поношенных пончо.

– Отплытие через полтора часа, – это молодой.

– Ты стал совсем взрослым, Пабло. И уходишь в свое плавание. Свидимся ли мы еще? Будущее слишком туманно. Я не вижу тебя старым, – глухо, но вполне отчетливо выдавливает старик.

Марк привычно нацепляет на лицо скучающее безразличное выражение, и, расслаблено орудуя старой метлой, обмотанной поблекшей лентой, плавно приближается к их столику.

– Ты хочешь меня остановить? Ты считаешь, что я предаю тебя?

Старик легко отмахивается:

– Ни на секунду такая чушь не проскользнула б в мою седую голову. Запомни, сын. Мы пытаемся застраховать отношения понятием «верность» и угрожаем страшным словом «предательство». Но человек – это горный поток, он меняется ежесекундно. Сегодня ты другой, нежели был вчера. Поэтому гарантий никто давать не может, да и не имеет морального права. Человек каждым своим шагом, каждым выбором кого-нибудь предает.

Аборигены – редкое зрелище в захудалом баре и Марк жадно глотает каждое слово, не вполне улавливая смысл сказанного, но легко принимая туманные изречения за мудрое и чуть не мистическое откровение.

– Поверь мне, я вернусь, как только найду себя, – в голосе сына слышится уверенность человека, принявшего окончательное решение.

Старик отвечает размеренно и тихо; вкрадчивый голос, завораживая, струится в воздухе и почти осязаем:

– Каждое событие, малейшее действие, каждая мысль меняют человека. Жизнь – лабиринт, в котором ты каждый день делаешь тысячи поворотов – шагов. Поэтому вернуться назад невозможно. Для этого необходимо запомнить все повороты. А человеческая память слишком слаба. Да и пути назад нет. Прошлое просто уходит. Оно не оставляет зацепок. Мы сами тянем к нему руки, но схватываем лишь пустоту. Сегодня мы расстаемся навсегда.

Молодой теряется: не знает, что ответить; насуплено молчит.

Через пару минут они бесшумно поднимаются и уходят, не оставляя чаевых.

Закрывшись в темной подсобке тайком от отца, побледневший сверх всякой меры Марк впервые пробует портвейн и дымит украденной сигаретой. Он растерян и ожесточен. Он ненавидит море.

18

Марку восемнадцать: вымахал под два метра и раздался в плечах. Он отрачивает длинные волосы, перехватывая их выцветшей лентой, и не бреет щетину – пугает сходство с отцом. Тот, наконец, сколотил капитал и мечтает о расширении: присмотрел небольшой уютный ресторанчик в паре кварталов. Бар собирается оставить сыну и поднимать новый бизнес. Марк почти готов: разбирается в бухгалтерии, усвоил азы психологии – годы практики научили читать по лицам в совершенстве. Зияют бреши только в базовых науках – помимо грамоты и арифметики так и не учился ничему. Расстриженный священник давно спился и теперь кормит червей на старом городском кладбище. Его дочурка, милая молодая девушка, подрабатывает в кабаке официанткой. Она влюблена в Марка и мечтает о воздушном ослепительно-белом свадебном платье.

Марк мечтает только об одном: избавиться от ночных кошмаров. Вздремнув после обеда, он снова видит море. Волны цвета портвейна разбиваются о каменистый берег. По колено в воде стоит старик аймара в промокшем пончо и зовет сына. Потом он медленно поворачивается к Марку и говорит: «Ты не утонешь, у тебя другая судьба».

В холодном поту Марк просыпается и слышит недовольные крики отца. От клиентов нет отбоя и ему снова нужна помощь.

Марк убирает зал и выходит с ведром помоев на задний двор. Море мрачным божеством занимает все его мысли и начинает сводить с ума. Решение приходит внезапно: божество нужно оквернить, и тогда пропадет вся его магическая, неодолимая сила.

Легче всего, практически невесомо, человек делает вещи кому-то или чему-то назло. Он быстро забывает о самом важном: что взвешенность и продуманность – главнейшие критерии для каждого серьезного поступка. Куда-то пропадает вся застенчивость, мнительность, нерешительность; перестают терзать сомнения; замысел приходит быстро, почти молниеносно, исполнение – ещё быстрее и ожесточеннее.

И вот мы уже видим Марка бодро вышагивающим по той самой, так и не пройденной до конца дороге. Гулко стуча каблуками остроносых ботинок по мостовой, он уверенно направляется в сторону пристани и невозмутимо несет с собой ведро, зловонное содержимое которого распугивает прохожих. Улица, поворот, ещё улица, вот она вливается в широкий проспект, последний поворот... и Марк выходит на причал. И впервые видит море...

Напряженная спина вдруг теряет свою упругость. Шквал свежих небывалых впечатлений перешивает восприятие. Ведро падает со звоном и разливает содержимое на деревянный настил.

Марк долго смотрит в сторону горизонта, приучая полунищие глаза к новой палитре красок, выдергивает из волос старую ленту и повязывает ее на поручень парапета, а потом медленно уходит по причалу вдаль, к самому большому кораблю на пристани, и увлеченно говорит о чем-то с его капитаном.

Шаг второй: становление.

Котёнок за пазухой (старая дзэнская притча)

1

На исходе дня он, наконец, одолел последний подъем. Молодое, такое привычно-надежное тело в разреженной атмосфере вдруг начало давать сбои, перестало слушаться, просило отдыха. Парнишка привалился к камню в изнеможении и попытался отдышаться, но усталость внезапно прошла. В лучах заходящего солнца он увидел согбенный силуэт в проеме рукотворной пещеры. Быстро вскочил на ноги и крикнул:

– Я искал тебя десять лет. Далеко же ты забрался, – хорошо, вроде бы, поставленный голос на последнем слове дал петуха, но не вызвал смущения. «Я просто сбил дыхание. Я не боюсь».

– Здесь в горах хорошо дышится. И дело себе нашел, – низкорослый, крепко сбитый мужичок подошел вплотную. – Дай взгляну на тебя. Да, ты похож на него. Те же брови, тот же взгляд.

– Не заговаривай мне зубы. Ты знаешь, зачем я пришел.

– Тебе нужна моя жизнь, – мужичок присел на выступ в скале, откинулся и с удовольствием медленно выдохнул. Было заметно, насколько он устал.

– Мне нужна справедливость. И месть! – парень начал метаться по площадке в опасной близости от обрыва.

Солнце зашло за гребень горы. Резко похолодало. В сумерках пещера стала похожей на распахнутый зев какой-то исполинской птицы или древнего вымершего ящера.

– Твое право, – в полумраке мужчина почти слился со скалой. – Но прежде, чем ты это сделаешь, я хочу сказать, что не желал ему смерти. Это был несчастный случай.

– Ты изнасиловал мою мать и убил отца! – парень выхватил револьвер из кармана и навел на собеседника.

– Я любил ее, она любила меня. Твой отец узнал и напал на меня. Я защищался, – голос ровный, дыхание размеренное; ни попытки защититься, ни убежать.

– Это твои слова. У меня другая информация. Ладно, пора заканчивать этот пустой треп, – он нарочито небрежно махнул револьвером. – Будет последнее желание?

– Я охотно отдам тебе свою жизнь, не буду пытаться сбежать или напасть на тебя; позволь лишь закончить мою работу. В день, когда я завершу её – убей меня.

Молодой удивился:

– Редкостное мужество. И что ты делаешь, позволь полюбопытствовать?

– Десять лет я копаю тоннель в этих горах. Здесь только одна опасная тропа, где разбилось много путников. С помощью этого тоннеля я, быть может, спасу чью-нибудь жизнь.

Парень окинул взглядом окружающее пространство и кивнул:

– Хочешь вернуть долг?

– Да. Ты не сильно торопишься?

– Я очень долго ждал, но – изволь.

2

Казалось, что дождь никогда не закончится. Свинцовое небо низко навалилось, уже готово было забраться и в самую пещеру, придушить, лишит последней надежды на радостный солнечный луч.

Они сидели, прислонившись к стенам тоннеля, друг напротив друга в метре от выхода. Капли рикошетили от камней, обдавая лица освежающей прохладой.

Молодой, наконец, не выдержал:

– Люди говорили, ты монахом заделался?

– Ого, не прошло и месяца – ты заговорил. Я думал, ты принял обет молчания, – немного насмешливо и прямо в глаза.

– Мне не о чем говорить с убийцей моего отца, – закрыв глаза и отвернувшись.

– Еще тебе не нравится, что я монах?

– Зачем уходить от жизни, когда ты еще молод и полон сил? Если только – замаливать грехи?

Тот в ответ усмехнулся, вышел под дождь и встал в паре метров от проема, заложив руки за спину:

– Ты так молод, но уже знаешь, что такое настоящая жизнь? Хорошо, я расскажу тебе историю, которая случилась с моим учителем. Быть может, она немного прояснит... На холме стоял храм. Там жило несколько монахов – никто их не считал; они себя – тоже. Проезжала мимо компания молодежи. Застигнутые дождем, они попросились переночевать в храме. Монахи их впустили, обогрели, накормили и оставили. Поздно уже вечером две девчонки из компании допили припасенное вино, и одна на спор решила молодого монаха совратить. Пробралась в его келью, без предисловий разделась, уверенно полезла к нему под рясу, и при этом спрашивает: «Ну что, чувствуешь, как настоящая жизнь в тебе закипает?» Тот, ничего не говоря, двумя ладонями легонечко сжал ее виски и в глаза посмотрел. Долго так, пристально. Не знает никто, что она там увидела, в глазах его, или даже не в глазах, а только рухнула она тут же на колени, зарыдала, запричитала: «Прости, прости, милый, дуру прости...» А тот ей в ответ: «Теперь ты почувствовала, осознала, как настоящая жизнь пробуждается внутри?»

Молодой немного оживился:

– Ну, и что ты хочешь сказать этой своей, не знаю... легендой?

Рассказчик вернулся в пещеру и присел так близко, что его лицо оказалось в паре сантиметров от глаз собеседника:

– Ты воспринимаешь жизнь каждую секунду. Но насколько ты можешь быть уверен, что она настоящая?

Тот невольно отстранился:

– Я понял, понял. Известная песня, мир – это иллюзия, а...

Монах неожиданно резко прервал:

– С миром всё в порядке! Сон разума, неосознанность прямого восприятия превращают твою жизнь в иллюзию.

– Мою?

– А о чьей жизни мы сейчас говорим?

Молодой немного поник и призадумался.

Дождь закончился к утру.

3

Полуденное солнце плавил камни. Молодой, раздевшись по пояс, лежал на краю скалы, загорал. Монах, обливаясь потом, вывозил из тоннеля щебень на маленькой и плохонькой, скрежещущей и грозящей вот-вот развалиться тачке.

Парень, манерно поигрывая револьвером в руке, проявил интерес к труженику:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.